

**Кравченко Н. К.,**  
доктор філологічних наук,  
професор кафедри англійської філології і філософії мови  
імені професора О. М. Мороховського  
Київського національного лінгвістического університету

## ДИСКУРС ЯК СТРУКТУРА

**Анотація.** Стаття присвячена дослідженню дискурсу як структури, яка конституюється регулярними взаємозв'язками між одноуровневими і різноуровневими параметрами. Виявлені критерії диференціації елементів структури. Проаналізовані особливості реалізації принципів тотожності і стійкості, задаючих структурну цілісність дискурсу.

**Ключові слова:** структура дискурсу, цілісність, диференціація, принцип тотожності, принцип стійкості.

**Постановка проблеми.** В статті освітлюється проблема дискурсу як структурної цілісності, яка проявляється взаємообумовленістю і ієрархією компонентів в когнітивно-сеmiotическому, інформаційно-прагматическому, інтраакційно-прагматическому і вербально-сеmiotическому аспектах. Ця проблема представляється актуальною в силу своєї недостатньої дослідженості і внаслідок її значення для становлення і розвитку сучасної теорії дискурсу.

**Аналіз останніх досліджень і публікацій.** В сучасних дослідженнях по теорії дискурсу виділяються два основних підходи до визначення структури дискурсу. Перший виходить з розуміння структури як сукупності одиниць дискурсу (комунікативний акт – комунікативний хід (макроакт) – обмін – трансакція), передбаченої існуючих когнітивних корелятів: наприклад, рамки комунікативного ходу визначаються наявністю ієрархічно організованої цільової домінант комунікантів, межі трансакції залежать від характеру предметно-референтної ситуації і обумовлених процедурним сценарієм типів діяльності комунікантів і т.д. [10]. Вказані одиниці характеризують дискурс (але тільки розмовний) скорше з точки зору його будови, а не структури. В інших дослідженнях структура отождествляється з компонентами дискурсу як моделі комунікації. При всьому різноманітності цих моделей (ср., наприклад, модель Р. Якобсона і Е. Селіванової [15; 12]) їх компоненти корелюють, на наш погляд, з рівнями дискурсу як системи, розумимої в сучасних дослідженнях дискурсу як мовно-когнітивно-комунікативний гештальт [14, с. 33–38], інтегруючий аспект мовного використання, передачу ідей і переконань і соціально-прагматический аспект. В такому випадку текст/код як компонент дискурсивного семиозису відповідають вербальному рівню системи; адресант, адресат, «шум» – прагматическому; з когнітивним аспектом корелює «інтеріоризоване буття» (Е. Селіванова [12, с. 130]) як фрагмент реальності, опосередкований структурами свідомості комунікантів, і семиотический універсум (М. Бахтін [1], Ю. Лотман [7; 8], Е. Селіванова [12]) як сукупність контекстів (соціокультурного, політичного, економічного, ідеологічного), розумимих в сучасній парадигмі як когнітивні конструкти [3, с. 77–83].

**Ціль статті** – запропонувати розуміння і аналіз структури дискурсу як регулярних відносин і зв'язів його елементів, забезпечуючих цілісність системи і підсистем дискурсу.

Структура дискурсу передбачає різні види дискурсивної цілісності, виявлення яких визначає основні задачі дослідження: цілісність як принцип тотожності або інваріантності; цілісність як принцип стійкості, який передбачає регулярні кореляції параметрів – різноуровневих/неоднородних (на рівні системи дискурсу) і одноуровневих/однородних (на рівні підсистем). Крім взаємообумовленості і ієрархії, для одиниць структури дискурсу характерні відносини диференціації – протиставлення по різних основах. Виходячи з властивостей процесуальності і синергетичності дискурсу, для визначення його структури важливим є функціональний аспект – структура як модель розвитку і специфікації знання про соціокультурну реальність, яка піддається постійним змінам, адаптуючись до змінюваних умов комунікативної ситуації. При цьому будь-яка варіативність структури в цілому не скасовує інваріантності її внутрішньої організації, ієрархії рівнів (і їх елементів), диференціації і взаємної детермінованості.

**Визначення основного матеріалу.** Структурна цілісність дискурсу як принцип тотожності. Для виявлення дискурсу як структурно детермінованої цілісності звернемося до теорії М. Фуко [13; 16], так як вся «археологія» дискурсу, представлена в працях цього впливового філософа і теоретика культури, ґрунтується на прагненні виявити «порядок дискурсу» – структуруючі механізми і елементи, а також закони їх існування в структурі дискурсу. В теорії М. Фуко дискурс конституюється особливими одиницями, дискурсивними формаціями як: 1) інформаційними структурами, представляючими специфічне знання як зв'язне ціле, детерміноване архетипними глибинними установками і принципами; 2) матеріальними структурами як зовнішнім проявленням системи знання (глибинних установок) в різноаспектних взаємозв'язках між висловлюваннями. Така мережа взаємозв'язків накладає обмеження на те, що може і повинно бути сказано в тому або іншому просторі знання. Так, в межах дискурсивної формації поняття, тотожні представлені в дискурсі, але випадають з «простору знання», будуть сприйматися як чужорідні для формації, тобто привнесені в даний дискурс з іншого. І, навпаки, будь-які семантичні аномалії, узгоджені з «знанням» дискурсивної формації, будуть сприйматися як задовільні стандартам істинності, а інтертекстуальність як наявність «іншого» не обов'язково буде свідітельствовати про наявності «чужого».

Так, якщо порівняти виступлення ректора, присвячене непопулярному рішення про скорочення стипендій, перед сту-

дентами и перед преподавательским составом, то одни и те же концепты «бесплатное образование», «платное образование» будут представлены информационными структурами, представляющими различные виды знания. Для преподавателей концептуальная архитектура (термин М. Фуко) будет интегрировать концепты «сокращение финансирования», «конкуренция вузов», «сложности с набором», «сокращение ставок». В то же время дискурс, предназначенный адресату-студентам, будет конструироваться в ином «пространстве знания» такими знаками, как «престижность высшего образования», «упрощение условий приема», «содействие трудоустройству» и др. При этом концепты дискурса (дискурсивной формации), предназначенного для преподавателей как провайдеров в сфере образовательных услуг, совершенно невозможно вписать в дискурс, предназначенный для студентов как клиентов этих услуг.

Если сопоставить теорию дискурса М. Фуко с современным критическим дискурс-анализом (в его постструктуралистской интерпретации [17]), то различие дискурсивных формаций объясняется моделями означивания (артикуляциями) социальной реальности, которые задают идентичность знаков в системе дискурса как структурного единства. У М. Фуко понятиями эквивалентами термина «артикуляция» выступают, на наш взгляд, понятия «поле использования», «порядок дискурса», «эпистема», «концептуальная архитектура» и, наконец, обобщающий термин – дискурсивная практика, структурирующая отношения между элементами дискурсивной формации. Среди таких элементов М. Фуко выделяет объекты как дискурсивные события, материально воплощенные в высказываниях, модальности высказываний, концепты и стратегии.

Дальнейшее сопоставление концепции дискурса М. Фуко с современным постструктуралистским видением дискурса позволяет говорить о том, что структурная целостность дискурса «сверху» (как то, что определяет закономерность отношений и связей элементов) определяется моделью означивания, которая конструирует символическое пространство (дискурсивную формацию) идентичных знаков, исключающее альтернативные варианты артикуляции (означивания). В этом смысле структура дискурса тяготеет к инвариантности как к «нормативному» для определенной дискурсивной формации способу артикуляции смыслов. Такое структурное качество связано со смоделированной природой дискурса: упорядочиванием знаковой системы дискурса вокруг привилегированных знаков-символов. Другим проявлением инвариантности служит перформативность дискурса, его миромоделирующие свойства как дискурсивной практики.

Функциональный аспект – структура как модель развития и спецификации знания. М. Фуко настойчиво подчеркивал аспект динамики дискурса как совокупности объектов-разновидностей, в которых реально происходит развитие и спецификация знания. То есть, исходя из специфики дискурса как процесса, структура дискурса – это не просто определенная целостность, а целостность (единство и взаимозависимость элементов), обеспечивающая процессуальность и динамику дискурсивного семиозиса. В критическом дискурс-анализе динамичный аспект согласуется с пониманием дискурса как открытой системы с периодически изменяющейся во времени структурой вследствие переартикуляции (изменения способа означивания и интерпретации).

Динамика структуры в понимании М. Фуко (как развития и спецификации в пределах дискурсов «пространства зна-

ния») включает, на наш взгляд, не только «внешний» фактор переартикуляции значений в результате борьбы дискурсов, но и фактор ситуативной динамики коммуникативных параметров дискурса. Так, по утверждению Тойна ван Дейка, контекстуальные модели, содержащие набор общих для определенной социокультуры категорий и данных (пространственно-временная модель, цели, участники, роли, идентичности, отношения, действия), динамичны в том смысле, что каждый раз создаются для определенной коммуникативной ситуации и претерпевают постоянные преобразования, адаптируясь к меняющимся условиям коммуникативной ситуации [18; 19].

Так, в речи, посвященной какому-нибудь непопулярному решению, выступающий (официальное лицо) будет использовать индексы привлечения контекстуальных моделей, снимающих ответственность с инициаторов непопулярных мер. Адресаты могут интерпретировать такую речь в «формате» собственных когнитивных структур. При этом частью контекстуальных моделей адресатов будет знание о том, кто говорит, в какой роли и с какими интенциями. Так, если о непопулярном решении будет говорить «незаинтересованное» лицо, то модели, снимающие ответственность с инициаторов непопулярных мер, могут «сработать».

Таким образом, целостность дискурса реализуется как на ситуативном, так и на социосемиотическом уровнях дискурсивного семиозиса. В первом случае речь идет о целостности на уровне конкретной коммуникативной ситуации, во втором – на уровне сферы общения. Ситуативная целостность задана изоморфизмом контекстуальных моделей участников, которые накладывают ограничения на выбор структуры дискурса из набора возможных вариантов означивания коммуникативной ситуации. В свою очередь, контекстуальные модели формируются социосемиотическими контекстами дискурса (в терминах М. Фуко – дискурсивной практикой, в терминах критического дискурс-анализа – доминантным дискурсом), определяющими «легитимную» модель артикуляции смыслов при условии групповой идентичности участников. И, *vice versa*, варианты означивания конкретных коммуникативных ситуаций воздействуют на модели означивания и интерпретации в дискурсивном семиозисе, обеспечивая целостность дискурса как сферы общения.

Структура как принцип устойчивости: типы структурных связей между элементами дискурса. Связи между параметрами дискурса предполагают их непосредственную зависимость друг от друга, когда изменение одной единицы ведет к изменению других. Такая зависимость проявляется как между разнородными (как частный случай проявления иерархии), так и между однородными параметрами.

Для структуры дискурса определяющими являются иерархические отношения между уровнями системы (и соответствующими им параметрами), то есть отношения между неоднородными элементами. Когнитивные структуры участников (модели ситуаций, концепты, ценности) определяют интерактивно-прагматические параметры дискурса – интенцию, стратегии, роли участников, под контролем которых осуществляется прагматическая адаптация высказываний, по отношению к коммуникативной ситуации, определяющие специфику вербальных средств (в том числе стилистического и образного кодов).

Так, в политическом или идеологическом дискурсе (а в ракурсе критического дискурс-анализа – в любом институ-

циональном дискурсе) когнитивные модели (как скрытые мотивации, идеологические смыслы, которые могут быть спрятаны не только от реципиента, но и от автора) определяют стратегии и роли участников (интерактивно-прагматический уровень), которые, в свою очередь, индексируются информационно-прагматическими (пресуппозиции, имплицатуры, особенности референции, дейксиса и др.) и вербальными параметрами, конструируя текст как определенную смысловую целостность. И, *vice versa*, вербальные средства есть условием актуализации информационно-прагматических смыслов, которые, в свою очередь, реализуют интеракционно-прагматические задачи и т.д. Так, использование таких вербальных маркеров, как пассив и других способов имперсонализации, нарушает максимы количества информации и стиля, активируя соответствующие конверсационные имплицатуры, то есть информационно-прагматические смыслы, которые, в свою очередь, реализуют стратегию «ухода от ответственности» (интеракционно-прагматический уровень) в когнитивной модели «дискурса власти»: за непопулярные действия несем ответственность не мы, а кто-то другой (параметр когнитивного уровня) [4, с. 18, 51–90]. В художественном дискурсе образ автора как когнитивный конструкт обуславливает стратегии художественно-эстетического, идеологического, коммуникативного моделирования текста, которые, в свою очередь, «отвечают» за привлечение пресуппозиций, баланс эксплицитного/имплицитного, референцию к культурно-семиотическим канонам интерпретации и др.

Иерархические связи показывают, что свойства каждого уровня определяются внутренними законами структуры всего целого, подтверждая гештальтную природу системы дискурса. Или, другими словами, иерархия между уровнями и параметрами дискурса возможна благодаря общему основанию их сопоставления как элементов некоей структурной целостности.

Другим проявлением взаимозависимостей служат связи одноуровневых параметров. Единицы вербально-семиотического уровня обладают способностью отражать действительность только во взаимодействии друг с другом. Регулярные корреляции между параметрами наблюдаются на информационно-прагматическом уровне. Так, конвенциональная имплицатура возникает благодаря семантической пресуппозиции. Например, в высказывании «Мне удалось найти работу» конвенциональная имплицатура «я приложил к этому определенные усилия» выводится на основании лексической пресуппозиции в семантике глагола «удалось». Выведение конверсационной имплицатуры опирается на прагматические пресуппозиции [5]. В частности, форма высказывания, содержащего имплицатуру (как лаконичного, развернутого, косвенного, прямого речевого акта), зависит от межличностных прагматических пресуппозиций, а смысловое наполнение – от ситуационных пресуппозиций. Например, высказывание «Как ты?», нарушающее вследствие его лаконичности максимум количества информации, возможно при условии близких взаимоотношений говорящих и, соответственно, наличии у них межличностных пресуппозиций. В то же время смысловые варианты конверсационной имплицатуры («ты уже выздоровел?», «наладились ли отношения с детьми?» и др.) зависят от прагматических пресуппозиций о ситуации, позволяющих восстановить имплицитный смысл. Еще более очевидны взаимосвязи между параметрами интеракционно-прагматического уровня: стратегией, тактикой, коммуникативными ходами, адресантом и адресатом. Так, дискурсивная личность адресата «расщепляется» на компоненты, коррелиру-

ющие с предполагаемыми компонентами адресанта (в устном дискурсе такая корреляция определяет парные коммуникативные роли).

Регулярные корреляции параметров – разноуровневых (на уровне системы дискурса) и одноуровневых (на уровне подсистем) – выявляют такое свойство структуры дискурса, как устойчивость.

**Структура как принцип дифференциации.** Помимо иерархии, для единиц структуры дискурса характерны отношения дифференциации – противопоставления по различным основаниям. Так, наиболее «прозрачный» критерий отличий – это функциональный: функциональная специфика одноуровневых единиц в противопоставлении функциям единиц других уровней.

В частности, вербально-семиотические микропараметры в своем взаимодействии конституируют семантику текста или его текстовую базу, фиксируя языковыми формами определенную концептуальную структуру [6, с. 283–291]. Вербально-семиотические макропараметры (содержание и смысл) обеспечивают функцию кодирования и восприятия текста как целостного знака. Информационно-прагматические параметры (имплицатура, интертекстуальность, инференция, пресуппозиция, референция, эксплицатура) осуществляют прагмасемантическую функцию, используя способность знаковых форм интегрировать дополнительные смыслы под воздействием контекстов, ситуации и конвенций общения. Интеракционно-прагматические параметры (коммуниканты, роли, конвенции, стратегии, тактики, ходы) ориентированы на кооперативно-коммуникативную функцию, воплощая взаимную ориентированность участников дискурса на интеракцию, стратегическую оптимизацию общения, определение межличностных отношений на основании согласования взаимоприемлемого варианта текстового смысла. Когнитивно-концептуальные и когнитивно-семиотические параметры обеспечивают концептуальную целостность текста в системе дискурса и воздействие специфичной модели означивания на концептуализацию социокультурной реальности в последующем (прокурсивном) дискурсивном семиозисе.

Другим (менее очевидным) критерием дифференциации подсистем дискурса может служить неодинаковое участие параметров в реализации категорий дискурса [2, с. 77–83]. Так, интеракционно-прагматические параметры выявляют категории дискурсивной идентичности и интерактивности, когнитивно-концептуальные – концептуальной целостности, когнитивно-семиотические – реализуют категории обусловленности доминантными дискурсами и контекстуальности, содержательно-смысловые – категорию ориентированности на создание макрознаковых единиц, информационно-прагматические – антропоцентричности, вербально-семиотические – текстуальности/текстологичности.

Одним из возможных оснований дифференциации параметров может быть критерий т.н. «принципов дискурса», предложенных, в частности, в исследовании П. Верта [20]: коммуникативности (информативности), связности и кооперации. Интеракционно-прагматические параметры коррелируют с принципом коммуникативности (дискурс всегда должен служить определенным целям и быть эффективным для их достижения), содержательно-смысловые – с принципом связности (когерентности. – Н.К.), который отвечает за необходимое и достаточное наличие составляющих элементов (объектов, событий, предложений), информационно-прагматические –



с принципом кооперации как универсальным принципом рациональности общения (говорящий передает слушающему ту информацию, которая необходима для достижения намеченной им цели, активируя при этом общий фонд знаний), вербально-семиотические – с максимумом стилия принципа кооперации (вербальные средства должны соответствовать целям, связности и кооперации). Наконец, когнитивные параметры не «покрываются» выявленными принципами, но при условии расширения принципов (список которых, учитывая сложность системы дискурса, можно было бы продолжить) с ними будет коррелировать принцип артикуляции (доминантной модели означивания).

**Выводы.** Таким образом, целостность структуры дискурса задана принципами тождества (инвариантности) и устойчивости. Тождество обеспечивается определенным изоморфизмом когнитивных моделей и кодов участников (ситуативная целостность), их соответствием модели означивания, установленной «дискурсивным порядком» – доминантным дискурсом: идеологическим, научным, господствующей художественно-эстетической парадигмы, «здорового смысла» и др. (социо семиотическая целостность).

Устойчивость определяется связями взаимообусловленности, характерными для одноуровневых параметров, и отношениями иерархии между параметрами различных уровней. Помимо иерархии и взаимной детерминированности, для единиц структуры дискурса характерны отношения дифференциации, основанные на функциональной, категориальной и других типах оппозиций.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется обоснование дискурса как синергетической системы с нелинейным стремлением к структуре, целостно

7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : Искусство – СПб, 2010. – 703 с.
8. Лотман Ю.М. О семиосфере / Ю.М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. – Таллинн : Александра, 1992. – 479 с.
9. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М. : УРСС, 2003. – 296 с.
10. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.
11. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2005. – Вып. 8. – С. 66–78.
12. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : [монограф. учеб. пособ.] / Е.А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.
13. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб. : А-сэд, 1994. – 408 с.
14. Шевченко И.С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38.
15. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 193–230.
16. Foucault M. The Archeology of Knowledge / M. Foucault. – London : Routledge, 1972. – 246 p.
17. Torfing J. New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Zizek / J. Torfing. – Oxford : Blackwell, 1999. – 356 p.
18. Van Dijk T.A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach / T.A. Van Dijk. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
19. Dijk T.A. The study of discourse / T.A. van Dijk // Discourse studies: A multidisciplinary introduction : in 2 vol. / ed. By T.A. van Dijk. – London : Sage, 1997. – Vol. 1: Discourse as structure and process. – P. 1–34.
20. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. – London : Longman, 1999. – 390 p.

#### Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с. ; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
2. Кравченко Н.К. Проблема категорий дискурсу в сучасному дискурс-аналізі / Н.К. Кравченко // Сучасні дослідження з іноземної філології. – К. : КНЛУ, 2014. – С. 77–83.
3. Кравченко Н.К. Контекст как лингвокогнитивная категория дискурс-анализа / Н.К. Кравченко // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Філологічні науки». – 2013. – № 9 (268). – Ч. I. – С. 257–261.
4. Кравченко Н.К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа : [монография] / Н.К. Кравченко. – Луцьк : Волиньполіграф, 2012. – 251 с.
5. Кравченко Н.К. Интегративный метод и оперативные методики дискурс-анализа : [монография] / Н.К. Кравченко. – Palmarium LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 95 с.
6. Кубрякова Е.С. О связях когнитивной науки с семиотикой / Е.С. Кубрякова // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Ю.С. Степанова. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 283–291.

#### Кравченко Н. К. Дискурс як структура

**Анотація.** Статтю присвячено дослідженню дискурсу як структури, що конституюється регулярними взаємозв'язками між однорівневими і різнорівневими параметрами. Виявлено критерії диференціації елементів структури. Проаналізовано особливості реалізації принципів тотожності і стійкості, які визначають структурну цілісність дискурсу.

**Ключові слова:** структура дискурсу, цілісність, диференціація, принцип тотожності, принцип стійкості.

#### Kravchenko N. Discourse as a structure

**Summary.** The given article deals with the investigation of discourse as a structure viewed as regular relationships between its single-level and different-level parameters. The research identifies the criteria of differentiation between the structural components and the manifestations of discourse integrity as related to the principles of identity and sustainability.

**Key words:** structure of discourse, integrity, differentiation, principle of identity, principle of sustainability.